Столичный мегаполис: антропология переписи–2002

Василий Филиппов

Все ошибки, как известно, проистекают из недостатка информации. Отсутствие сколько-нибудь достоверных статистических данных о численности населения, его важнейших социально-демографических, миграционных, этнокультурных, языковых, конфессиональных и т. п. характеристиках исключает саму постановку вопроса об эффективности социального менеджмента.

Вакуум адекватной информации, на наш взгляд, возможен в двух случаях.

Во-первых, в ситуации, когда аппарат управления недостаточно компетентен, не способен получать необходимую информацию и поэтому может только имитировать административную деятельность. Принимаемые управленческие решения в этом случае направлены на мифологизированный социум, существующий только в воображении чиновников, и могут быть, в лучшем случае, бессмысленными и бесполезными.

Во-вторых, в ситуации, когда аппарат управления не заинтересован в наличии достоверной, публично верифицируемой информации. Она складывается, когда корпоративные интересы администрации преобладают над интересами управляемого социума, а управленческие решения направлены на удовлетворение этих интересов за счет данного социума. Адекватная информация превращается в некое «тайное знание», получаемое из ведомственной статистики и обслуживающее исключительно интересы правящей бюрократии. Управленческая практика субъекта в этом случае становится опасной для объекта управления.

Подготовка к Всероссийской переписи населения 2002 г. и осуществление этого политического мероприятия в столичном мегаполисе не дают ответа на вопрос, какая из описанных моделей более достоверно отражает ситуацию в Москве. Сама процедура переписи, которую мы отслеживали в ходе эмпирического исследования, проведенного в

рамках международного проекта «Национальность и язык в Переписи населения 2002 г.», заставляет думать, что мы имеем дело, по преимуществу, со второй моделью, хотя в общей картине, несомненно, представлены и элементы первой интерпретационной модели.

В ходе этого исследования, в котором, наряду с российскими учеными, принимали участие авторитетные антропологи, социологи и демографы из известных научных центров США, Франции и Канады, в Москве и Московской области были зафиксированы серьезные дефекты в методическом обеспечении и организации переписного процесса. В Москве и ближайшем Подмосковье вместе с автором этой статьи работали коллеги из США (д-р Й. Эррера) и Франции (д-р Ж. Кадио). Они, по всей вероятности, также представят свое видение переписи населения в столичном мегаполисе в отдельных статьях.

Накануне переписи населения и экспертам, и сотрудникам аппарата управления, и простым обывателям было очевидно, что в столичном мегаполисе сложилась ситуация, при которой управляющий субъект неадекватно воспринимает и/или намеренно неадекватно интерпретирует объект управления. Это утверждение относится в первую очередь к данным об этносоциальной, этнодемографической и этноконфессиональной структуре населения столичного мегаполиса. Как констатировал мэр Москвы Ю. Лужков, сегодня в этой сфере «царит полный хаос»[1].

Такое заявление первого лица города, сделанное накануне переписи и по поводу предстоящей переписи, означало не столько констатацию неспособности Правительства Москвы отслеживать в режиме мониторинга динамику этносоциальных и этнодемографических характеристик населения города, сколько априорное признание результатов предстоявшей переписи корректными, заслуживающими доверия и пригодными для использования в управленческой практике.

Подготовка к этому мероприятию, объявленному Президентом РФ «событием года», в Москве была чрезвычайно амбициозной и дорогостоящей[2]. С одной стороны, это было демонстрацией лояльности федеральному Центру, с другой, – должно было создавать иллюзию заинтересованности городских властей в получении достоверной стати-

---

[1] ИНТЕРФАКС, выпуск «Москва». 2002. 29 января.

[2] Подготовка к проведению Всероссийской переписи населения 2002 г. в Москве стала сюжетом отдельной статьи автора, подготовленной в рамках исследовательского проекта «Национальность и язык в переписи 2002 г.» Она будет опубликована в сборнике под грифом Института этнологи и антропологии РАН.

стической информации. У нас есть основания думать, что декларируемая заинтересованность была именно иллюзорной.

Во время беседы с одним из московских префектов, членом Правительства Москвы, мы с коллегами задали ему вопрос о том, понимает ли Ю. Лужков, что полученная в ходе переписи информация о миграционной ситуации в городе будет, по-видимому, далека от достоверной. Ответ был неожиданный: «Знаете, мне кажется, что вы сильно преувеличиваете значение этого события (переписи населения. – *В. Ф.*) для города… Вот я вам такой факт приведу: за все последние месяцы, предшествовавшие переписи, Ю. Лужков на заседаниях Правительства ни разу специально не говорил о переписи, повторяю, ни разу!»[3].

Вся подготовительная работа, как известно, была поручена вице-мэру Москвы А. Петрову, который и стал председателем Комиссии по проведению Всероссийской переписи населения 2002 г. в Москве. Фактически вся работа этой комиссии, а также специального Информационного центра «Перепись–2002» свелась к многочисленным пресс-конференциям и медиа-турам с участием А. Петрова, на которых он и его коллеги убеждали представителей СМИ пропагандировать перепись населения и убеждать читателей в ее анонимности. На одной из таких конференций я задал А. Петрову вопрос: что предпочтительно в интересах управления – знать, что достоверной информации нет, или пользоваться статистическими данными, корректность которых не может быть проверена. Вице-мэр предпочел сделать вид, что не понял смысла вопроса, и ответил, что в интересах управления предпочтительно пользоваться достоверной информацией.

Это, конечно, так, но, задавая этот вопрос, я хотел услышать в ответ мнение о том, в какой степени можно будет доверять результатам переписи населения в Москве, в особенности данным о миграционных характеристиках населения. Примечательно, что на тот же вопрос, заданный упомянутому выше префекту, мы услышали в ответ: «Конечно, у руководителей Москвы хватит ума не принимать на веру результаты переписи»[4].

И для экспертов, и для работников аппарата управления было совершенно очевидно, что наибольшие трудности в ходе переписи должны возникнуть из-за присутствия в городе и пригородах большого числа иноэтничных (по отношению к этническому большинству

---

[3] Интервью автора с префектом N–ской Префектуры, членом Правительства Москвы 14 октября 2002 г. //Архив автора.

[4] Интервью автора с префектом N–ской Префектуры, членом Правительства Москвы 14 октября 2002 г. //Архив автора.

населения города) мигрантов – как учтенных городской миграционной службой (таковых абсолютное меньшинство), так и не учтенных (таковых большинство). Так же, как очевидно и то, что коррекция миграционной, социальной, культурной, образовательной, демографической, конфессиональной политики должна осуществляться исходя из достоверных данных о проживании в Москве и Московской области представителей тех этнодисперсных групп, численность которых в силу ряда обстоятельств в последнее десятилетие увеличилась порой в десятки раз.

Это относится, прежде всего, к представителям закавказских (армянам, азербайджанцам, грузинам), центральноазиатских (таджикам, таджикским цыганам – люли, афганцам), южноазиатстких (китайцам, корейцам) этнических групп. Трудно поддается описанию численность гастарбайтеров с Украины и из Молдавии, работающих на стройках Москвы. Многократно выросла и численность мигрантов (в том числе маятниковых) из российских республик Северного Кавказа (в особенности чеченцев и представителей народов Дагестана). Доля представителей иных этнокультурных групп в населении столичного мегаполиса незначительна и, главное, не имела тенденции к значительному увеличению в последние годы.

Кроме того, при организации переписи необходимо было учесть, что территория Москвы и Московской области (точнее, ее часть, ближнее Подмосковье) представляют собой единый мегаполис с недифференцированными трудовыми ресурсами. Значительная часть нелегальных мигрантов проживает в пригородах Москвы, где легче уклониться от паспортного контроля, а работает на территории города или на предприятиях оптовой торговли, расположенных вдоль Московской кольцевой автодороги. Впрочем, достаточно типична и обратная ситуация.

Что касается представителей перечисленных выше дисперсных групп, то при организации переписи следовало исходить из того факта, что они, как правило, не имеют постоянной регистрации, а временная регистрация если и имеется, часто приобретается незаконным путем. Можно было предположить, что в этой ситуации большая часть нелегальных мигрантов не захочет обнаружить себя по месту жительства, тем более, что через СМИ было объявлено об участии милиции в работе с «трудным контингентом». В этой связи оптимальным способом получения информации стал бы опрос таких респондентов по месту приложения труда.

Хорошо известно, что значительная часть иноэтничных мигрантов в том или ином качестве работает на продовольственных и вещевых оп-

товых рынках. Например, по имеющейся у нас экспертной информации, только на Черкизовском рынке работают около 25 тыс. мигрантов из Азербайджана, на оптовой ярмарке в Лужниках – около 15 тыс. азербайджанцев[5].

Предполагалось, что на этих рынках будут организованы стационарные переписные участки, на которых смогут добровольно пройти перепись все желающие, и, соответственно, что все присутствующие на них мигранты пожелают принять участие в переписи.

Во время переписи мы работали на Мытищинской оптовой ярмарке, а также на вещевом рынке у станции Мытищи. На Мытищинской ярмарке (расположенной на МКАД) мы прежде всего обратились в администрацию с вопросом, есть ли на территории рынка стационарный переписной пункт. Оказалось, что нет; ответственный работник администрации был удивлен самим вопросом и категорично ответил: «Нам никто не вменял в обязанность организовывать перепись на рынке». От него мы узнали, что на ярмарке организовано около 10 тыс. рабочих мест, до 3 тыс. торговых точек. Администрация (около 40 человек) – преимущественно азербайджанцы, имеющие российское гражданство. Каждый контейнер (торговую точку) обслуживают 3–4 человека. Владелец – чаще всего выходец из Азербайджана (овощные торговые ряды) или Армении (бакалея); водитель и экспедитор – в большинстве случаев родственник владельца; торгуют – часто женщины, приезжие с Украины или из Молдавии, или сам владелец контейнера, или женщина, на чье имя оформлено торговое предприятие – хозяйка снимаемой владельцем квартиры. (Заметим, что торговое предприятие обычно зарегистрировано на женщину – москвичку или жительницу Подмосковья, имеющую, разумеется, российское гражданство, – с которой его владелец заключает фиктивный или не очень фиктивный брак.) Охрана рынка – практически вся состоит из жителей Владимирской области (маятниковые мигранты – 70 человек).

Мы побеседовали с несколькими работающими на рынке армянами и азербайджанцами. Практически все наши собеседники сказали, что про перепись населения ничего не знают. На вопрос о том, приняли бы они участие в переписи, если бы на рынке был переписной пункт, отвечали неохотно. Чаще всего звучал аргумент, справедливость которого трудно оспорить: даже если бы такой пункт работал, то процедура переписи 10 тыс. человек заняла бы очень много времени, возникла бы очередь; никто из тех, кто занят в торговле, просто не стал бы

---

[5] Интервью автора с лидером азербайджанской общины Москвы А. Керимовым. 16 октября 2002 г. //Архив автора.

терять на это время. Шансов переписать этих мигрантов по месту жительства мало (в 9 утра они уже на рынке, в 9 вечера – они еще на рынке). Кроме того, примерно каждый третий из тех, с кем нам удалось побеседовать (человек 30), ответил, что просто не открыл бы дверь переписчику.

На вещевом рынке в Мытищах торгуют джинсами и трикотажем (преимущественно вьетнамцы) и изделиями из кожи (выходцы из Афганистана). Как нам рассказали в Мытищинской администрации, на рынке торгуют около 1 тыс. вьетнамцев, но на каждую торговую точку приходится 6–7 работниц подпольных цехов, которые и шьют фальсифицированные джинсы и куртки (по некоторым данным, на таких мини-фабриках, наряду с вьетнамками, нередко работают и женщины из Молдавии). Чаще всего свидетельство о регистрации имеют только те, кто работает на торговой точке. Переписной пункт на рынке организован не был, вьетнамцы разговаривать с нами отказались под предлогом того, что они вообще не говорят по-русски. Зато афганцы сами подходили к нам и рассказывали, что переписались утром в общежитии, в котором они арендуют комнаты.

Таким образом, наши наблюдения на двух оптовых рынках ближайшего Подмосковья позволяют сделать вывод, что только здесь из переписи выпало около 5 тыс. мигрантов – выходцев из Закавказья и до 7 тыс. вьетнамцев.

В этом контексте большой интерес представляет информация, полученная нами в ходе интервью с одним из лидеров азербайджанской общины Москвы, крупным бизнесменом А. Керимовым. По его словам, по предварительной договоренности с руководством Госкомстата РФ, для работы переписчиками предполагалось привлечь около 1,5 тыс. азербайджанцев – из числа как постоянных жителей Москвы и Московской области, так и маятниковых мигрантов, торгующих на оптовых рынках города. По-видимому, это было единственной возможностью учесть всех находившихся на момент переписи в Москве и Московской области азербайджанцев, вне зависимости от степени легальности их пребывания. (Об их численности дают представление следующие цифры, предоставленные А. Керимовым: около 400 тыс. – проживают в Москве и имеют гражданство РФ; 600–700 тыс. – проживают в Москве, но не имеют российского гражданства; около 1,5 тыс. – проживают в Московской области. Всего же в России около 3,5 млн. азербайджанцев, имеющих гражданство РФ или Азербайджана.) Чрезвычайно важно, что в случае сотрудничества лидеров азербайджанской общины Москвы с Госкомстатом в поддержку переписи должны были выступить неформальные лидеры азербайджанской

общины, контролирующие львиную долю азербайджанского бизнеса в столице.

К сожалению, накануне переписи Госкомстат РФ отказался от привлечения азербайджанцев к переписной работе, мотивируя это тем, что не граждане РФ по закону не могут работать переписчиками. Этот отказ фактически сорвал перепись азербайджанской этнодисперсной группы (одной из крупнейших в Москве). «Азербайджанцы, конечно, обижены, – констатировал А. Керимов. – Теперь точно они переписываться откажутся. Даже, я думаю, будет дана такая команда…»[6]

В ходе переписи мы имели возможность тесно сотрудничать с одним из районных управлений статистики Московской области (районный центр – один из крупных городов-спутников, расположенных в непосредственной близости от столицы)[7]. Отметим, что еще до завершения переписной кампании, начальник управления крайне пессимистично оценил ее результаты: «У нас целые подъезды скупают чеченцы… Вон дома строят, а очередь-то не движется! Прописывается один, а живут, Бог знает сколько… Какая там регистрация! Как их учесть? Нет, перепись ничего не прояснит в этом плане»[8].

Мы с коллегами поинтересовались, как переписчики станут фиксировать двойную этническую (национальную) идентичность. Сам вопрос вызвал у начальника управления удивление: «А разве так бывает?» Соответственно, сложную этнокультурную идентичность переписчики не фиксировали, как не выделяли особо родной язык: ни начальник управления, ни инструкторы на переписном участке (где мы участвовали в переписи вместе с переписчиками – студентами двух подмосковных вузов) ничего не слышали о том, как следует фиксировать родной язык респондента.

Нас многое удивляло в организации переписи в этом районе. В Управлении статистики нам сообщили, что перепись «сложного контингента» по решению администрации будет производиться силами УВД и назвали тех, кто конкретно отвечает за это в милиции. К «сложному контингенту», по словам ответственного работника управления статистики, были отнесены бомжи (их должны были переписывать на железнодорожной станции), «неблагополучные семьи» – алкоголики

---

[6] Интервью автора с лидером азербайджанской общины Москвы А. Керимовым. 16 октября 2002 г. //Архив автора.

[7] В случаях, когда у нас есть основания опасаться административного давления на наших респондентов, мы не приводим точных данных о месте их работы и должности.

[8] Интервью автора с начальником N–ского районного управления статистики. 10 октября 2002 г. //Архив автора.

и лица, имеющие криминальное прошлое и стоящие на учете в милиции, а также нелегальные мигранты, торгующие на нескольких городских рынках.

Мы разыскали этого человека: он занимает высокий пост в районном УВД. Встретив нас очень недружелюбно, он поинтересовался: «А что, есть нарушения общественного порядка в ходе переписи?.. Нет? Тогда чего вы от меня хотите?» Когда же он узнал от нас, что именно он, по мнению сотрудников Управления статистики, отвечает за перепись «сложного контингента», он заявил: «Мое дело охранять порядок на улицах города, а не бомжей переписывать»[9].

В городе, по словам, сотрудников управления статистики, был организован целый ряд стационарных переписных пунктов на крупных промышленных предприятиях. Мы разыскали одно такое предприятие и поинтересовались у рабочих, выходивших из проходной в конце смены, работает ли на заводе переписной пункт. Ответ был такой: «Да вроде сидел кто-то утром на КПП, предлагал переписываться… В обед уже не было. Да зачем, нас же всех дома переписывали?»[10]

Во время работы на переписном участке в данном райцентре нам удалось принять участие в переписном опросе в жилых домах. Автор работал с двумя студентами в элитном кирпичном доме, где проживают в основном работники аппарата управления и преуспевающие бизнесмены. Мои партнеры – юноша и девушка, студенты непрестижного подмосковного вуза – сказали, что их участие в переписи можно оценивать как «добровольно-обязательное»: они согласились работать переписчиками под давлением деканата, но признались при этом, что 1,5 тыс. рублей (обещанные им в качестве зарплаты при условии выполнения плана) тоже будут «не лишними». Однако за два дня до окончания переписи они не выполнили и половины нормы – 420 респондентов и были готовы к тому, что обещанная сумма будет значительно урезана. Они рассказали мне, что почти все их однокурсники во время опроса задают только вопросы «паспортички», ответы же на все «качественные» вопросы заполняют сами, по своему усмотрению в подъезде сразу после опроса. «Так намного быстрее!».

Действительно, выполнить плановую норму опроса чрезвычайно сложно: в течение двух с половиной часов мы обошли весь одноподъездный 12–этажный дом (56 квартир). Дверь нам открыли в четырех

---

[9] Интервью автора с начальником Х отделения милиции N–ского УВД Московской области. 12 октября 2002 г. //Архив автора.

[10] Интервью автора с рабочими Х промышленного предприятия города N–ска Московской области. 12 октября 2002 г. //Архив автора.

случаях: две няни и одна домработница, которые отказались отвечать на наши вопросы, и одна молодая женщина-чувашка, снимающая вместе с мужем – который служит рядовым в армии, но имеет возможность ночевать дома – квартиру в этом доме. Она заполнила переписной бланк и за себя, и за мужа, хотя высказала предположение, что «уж их-то наверняка перепишут по месту службы». Нетрудно подсчитать, что при такой производительности труда переписчикам-студентам, работающим в паре из соображений безопасности, чтобы опросить 840 человек, потребуется около 1 тыс. часов рабочего времени.

Впрочем, следует признать, что у моих зарубежных партнеров, которые, вместе с двумя переписчицами-студентками, принимали участие в переписи жителей более демократичных панельных пятиэтажек, работа, по их словам, шла куда более продуктивно и динамично.

Я имел возможность побеседовать с начальником переписного участка и одним инструктором, готовившим студентов. По их словам, на третий день переписи доля отказов от участия в переписи «в жилом фонде» составила 17%. (Позже, уже после окончания переписи, я звонил начальнику районного управления статистики и узнал, что доля «отказников» в районе достигла 18–19%. Несколько смутившись, начальник управления намекнул, что они вынуждены были несколько «подлакировать результаты, чтобы не выглядеть хуже других». От ответа на мой вопрос, было ли при этом оказано давление «сверху», он уклонился.)

На переписном участке я опросил девушку-переписчицу, которая пришла сдавать собранные за день данные. По ее словам, с ней отказались разговаривать в 10 квартирах из 160. Из «нерусских» в этот день ей попались семья армян (граждан Армении) и семья украинцев (граждан Украины). И в том, и в другом случае квартиру арендовали; вопрос о родном языке переписчица не задавала. В квартире, где проживают молодые мужчины-вьетнамцы, с ней отказались разговаривать («сперва сказали, что им надо посоветоваться, а потом – что переписываться не будут, и закрыли дверь»[11]).

В этом же районном центре мы смогли побеседовать с армянами, работающими в частном автосервисе. Они охотно согласились говорить с нами, узнав, что вместе со мной работают две очаровательные коллеги из Америки и Франции. Нас даже напоили горячим кофе на капоте находящегося в ремонте автомобиля. Один из опрошенных

---

[11] Интервью автора с переписчиком (студентом) города N–ска Московской области. 14 октября 2002 г. //Архив автора.

армян, в прошлом главный инженер военного завода, сказал, что утром за него на все вопросы ответила жена в квартире, которую он арендует, второй (экономист со средним образованием) высказал предположение, что «за меня тоже, наверное, жена все рассказала дома», третий, еще не встречавшийся с переписчиками, заявил, что «если придут, все отвечу, чего прятаться?» Наши собеседники предположили, что большинство их соотечественников, имеющих постоянную (таких меньшинство) или временную регистрацию в Москве и Московской области, не станут уклоняться от переписи, но их трудно будет застать дома, так как большинство из них – молодые мужчины, которые поздно возвращаются с работы[12].

В целом перепись населения в столице проходила с серьезными организационными и методическими изъянами. Не оправдались надежды ее организаторов на эффективность стационарных переписных пунктов, в особенности в местах, где предположительно должны были пройти перепись мигранты из дальнего зарубежья и стран СНГ.

Во время беседы с одним из наших экспертов, занимающим высокий пост в Комитете по миграциям Правительства Москвы, мы поинтересовались, удалось ли организовать перепись прибывающих в город мигрантов. С известной грустью он констатировал: «Плохо… Судите сами: девятого числа через процедуру регистрации прошли 1114 человек, переписались – 21 человек. А сколько не зарегистрировалось? Это же капля в море!»[13].

Отрицательно сказались на ходе переписной кампании в столице явные просчеты в организации работы переписных участков. Нехватка учетных бланков различных форм на переписных участках побуждала переписчиков использовать при опросе листы обычной бумаги, что часто становилось причиной отказа от участия в переписи. Отказы такого рода легко объяснимы, поскольку в ходе агитационно-информационной кампании, предшествовавшей переписи, было высказано предостережение, что наличие специальных переписных бланков – один из «индикаторов», позволяющих отличить подлинного переписчика от самозванца.

Кроме того, работа переписчиков в условиях отсутствия специальных, пронумерованных переписных бланков открывала безграничные возможности для манипулирования статистическими показателями

---

[12] Запись беседы с работниками автосервиса города N–ска Московской области. 14 октября 2002 г. //Архив автора.

[13] Интервью автора с экспертом, ответственным работником Комитета по миграциям Правительства Москвы. 10 октября 2002 г. //Архив автора.

применительно к административно-территориальным единицам и мегаполису в целом.

Вероятность такого манипулирования достаточно велика: в ходе исследования нами был зафиксирован случай, когда префекту одной из московских префектур (уже после завершения переписи) было указано на необходимость значительно завысить число жителей подведомственной территории. Есть основания думать, что такого рода «инструкции» получили и другие московские префекты, а также администрации более низкого таксономического уровня. Мы достоверно знаем, что указание осуществить «вброс» переписных бланков после окончания переписи получили некоторые начальники переписных участков Москвы.

Наши интервью с компетентными работниками сферы управления свидетельствуют, что город в целом и отдельные префектуры заинтересованы в высокой (и даже завышенной) оценке численности населения: от соответствующих статистических показателей будет зависеть бюджетное финансирование социальных программ. Кроме того, завышение численности москвичей, возможно, продиктовано желанием городских властей «включить» Москву в число мегаполисов с населением свыше 10 млн. жителей.

В вечерней информационной программе телекомпании ТВЦ 15 ноября был показан короткий материал о встрече Президента России В. Путина с мэром Москвы Ю. Лужковым. Глава Правительства Москвы рапортовал о первых результатах переписи в Москве. По его словам, в столице перепись населения зафиксировала 10,5 млн. человек постоянного населения и 3 млн. временно пребывающих на территории мегаполиса.

Отрицательно сказался на результатах переписи недостаточный уровень профессиональной подготовки лиц, занятых в обеспечении информационной кампании и самого переписного процесса. Это относится, прежде всего, к сотрудникам московского «Информационного центра Перепись–2002», ответственным за участие в переписи населения представителей мигрантских этнодисперсных сообществ. Сложнейшая задача привлечения к переписи этнических мигрантов была возложена на молодых сотрудников пиаровского агентства «Имидж-ленд», не имеющих специального этнологического или демографического образования и очень плохо представляющих себе особенности этносоциальной структуры населения мегаполиса, не знающих формальных и неформальных лидеров этнодисперсных групп.

Нехватка переписного персонала, отказы студентов участвовать в переписи из-за низкой оплаты труда часто побуждали администра-

цию использовать плохо подготовленных переписчиков из так называемого резерва. Это крайне неблагоприятно сказалось на фиксации ответов на «трудные» вопросы о национальной принадлежности и родном языке респондентов. В частности, в Мытищах даже инструкторы на переписных участках не знали о порядке фиксации родного языка, предписанном Инструкцией. В ЦАО Москвы инструкторы не знали, как следует фиксировать двойную этнокультурную идентичность (национальность) переписываемых.

Существенные «шумы» в статистической информации, вероятно, возникнут из-за методических просчетов переписной процедуры. Известны случаи, когда практическая невозможность опросить необходимое (в соответствии с контрольными цифрами) число респондентов заставляла должностных лиц, ответственных за проведение переписи в Москве и Московской области, «переписывать» картотеки паспортных столов. Согласно сообщениям в СМИ, таким образом были переписаны около 2 млн. москвичей.

Отрицательно сказалась на результатах переписи и практика опроса соседей или сослуживцев (на стационарных переписных участках). В этом случае ответы на «качественные» вопросы нельзя считать достоверными. Например, об основных источниках доходов, о знании языков, о национальной (этнической) идентичности.

Переписчики часто сталкивались с протестным отказом от участия в переписи жителей целых домов (например, из-за отсутствия горячей воды в доме).

Искажала результаты переписи и дублирующая информация: типичными были случаи переписи членов молодых семей, проживающих отдельно от родителей, как по месту временного проживания (аренда жилья), так и со слов родителей по месту прописки молодоженов. Это же относится и к военнослужащим, прошедшим перепись по месту службы и по месту проживания (со слов родственников).

Из охвата переписью в большинстве случаев выпали подмосковные дачные (коттеджные) поселки, в которых постоянно проживают – но не прописаны – многие обеспеченные москвичи. Переписчики же, работавшие в элитных домах Москвы, постоянно сталкивались с проблемой «закрытых дверей». Такого рода организационные просчеты сильно деформируют данные о социальной стратификации населения города.

Не вызывает сомнения, что статистическая информация о населении столичного мегаполиса, полученная в результате переписи 2002 г., должна быть подвергнута сомнению. Использование ее в качестве информационной базы для социального планирования приведет к серь-

езным ошибкам при принятии управленческих решений, может стать причиной серьезных злоупотреблений.